

УДК 811.161.1'36

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-28-35

**Функционирование слов категории состояния
в разноструктурных языках**© *Улазаева Галина Васильевна*

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: diskurs@mail.ru

Статья посвящена вопросу функционирования слов категории состояния в разноструктурных русском и бурятском языках. Указанная группа слов рассматривается с позиции функционально-семантических полей. Функционально-семантические поля (ФСП) являются национальной реализацией понятийных категорий, в связи с чем можно говорить о ФСП русского, бурятского и других языков. В статье описаны конструкции, входящие в ФСП состояния в русском и бурятском языках; представлены ядро, периферийные зоны поля состояния. Кратко представлен вопрос о статусе и научной интерпретации слов, подводимых под слова категории состояния в бурятоведении. Описаны лексические, морфологические, синтаксические свойства слов категории состояния в бурятском языке. Дается представление о том, что в системе русского и бурятского языков наблюдается как сходство, так и некоторое различие в выражении значения состояния.

Ключевые слова: слова категории состояния, функционально-семантическое поле, разноструктурные языки, части речи, национальная специфика.

Известно, что каждая реализация языка в речи осуществляется конкретным лицом и содержит не только объективную информацию, но и субъективное отношение лица к этой информации. «В центре языка стоит я говорящего, язык антропоцентричен. При этом все субъективные аспекты высказывания выражаются объективными средствами, общими для всех носителей данного языка, в противном случае они просто оказались бы непонятными адресату речи» [3, с. 8]. Антропоцентрическая точка зрения на языковую систему «представляется наиболее естественной и адекватной действительному положению вещей. Именно она позволяет осмыслить системные связи языковых явлений не в принудительном разделении формы и содержания, а в синтезе, в едином служении их потребностям общения» [6, с. 5–6].

Способность языка отображать в языковом сознании носителей внеязыковую объективную действительность определяет содержательный аспект языка, его семантическое пространство, которое в каждом языке определенным образом структурировано в функционально-семантические категории или функционально-семантические поля [3, с. 9].

Итак, язык, будучи объективным явлением природы и социального развития, характеризуется полевой структурой и так или иначе отражает полевую устроенность мироздания. В разных языках существует функционально-семантическое поле (ФСП) состояния.

Изучение грамматических и лексических средств языка с позиции ФСП позволяет описать взаимодействие единиц разных уровней языковой струк-

туры при выражении ими определенного единого семантического задания — некоторого инварианта значения.

Языковые единицы, характеризующие ядро поля, являются специализированными и регулярными средствами выражения категориального значения. Для языковых единиц, занимающих периферию поля, выражение категориального значения является вторичной функцией.

ФСП являются национальной реализацией понятийных категорий, поэтому можно говорить о ФСП русского, бурятского языков и т. п.

Понятие ФСП включает в себе элементы связи с формированием речевого акта. «Оно отражает реальные процессы мыслительно-речевой деятельности. В языковом знании говорящих существует способность выразить тот или иной элемент данной семантической категории или субкатегории (например, отнесенность ситуации к будущему) различными языковыми средствами, соответствующими смысловой направленности формирующегося высказывания. Основание понятия ФСП в языковой и речевой онтологии — это круг языковых средств, имеющихся в распоряжении говорящих на данном языке для выражения того или иного варианта определенной семантической категории» [2, с.17–18].

По теории А. В. Бондарко, ФСП делится на четыре группы:

- поля с предикативным ядром (аспектуальности, темпоральности, модальности, состояния);
- поля с предметным ядром (субъектности, объектности, одушевленности/неодушевленности и др.);
- поля с квалитативно-квантитативным ядром (качественности, количественности и др.);
- поля с обстоятельственным ядром (причины, цели, условия, локативности и др.).

ФСП имеет два основных структурных типа: 1) моноцентрические (сильно центрированные) поля, опирающиеся на грамматическую категорию (например, аспектуальность, темпоральность); 2) полицентрические (слабо центрированные) поля, опирающиеся на некоторую совокупность различных средств (например, поле определенности-неопределенности, поле состояния). Каждое поле семантически и формально структурировано, т. е. состоит из отдельных взаимосвязанных категорий.

В пределах полицентрического типа А. В. Бондарко выделяют два подтипа: 1) ФСП «рассеянной» (диффузной) структуры при множественности слабо связанных друг с другом или изолированных разнородных компонентов и слабой выраженности границ между центральной и периферийной зонами поля; 2) ФСП компактной полицентрической структуры с явно выраженными центрами.

Таким образом, каждое ФСП не представляет собой замкнутую структуру, границы поля подвижны. В зоне периферии каждое поле пересекается с другими полями.

Характерным примером ФСП полицентрического типа является *поле состояния*. Среди разнообразных конструкций, входящих в ФСП состояния, определенное место занимают конструкции со словами категории состоя-

ния. Следует выяснить, какое же место занимают указанные модели в ФСП состояния.

В поле состояния А. В. Бондарко выделяет две семантические сферы:

а) результативное (перфектное) состояние, являющееся результатом предшествующего действия и связанное с актуальностью его последствий;

б) нерезультативное (неперфектное) состояние, не обладающее признаком связи с результатом действия и актуальностью его последствий.

Каждая из указанных сфер характеризуется своими центральными и периферийными компонентами, единый и единственный центр, который был бы грамматической основой всего поля, отсутствует [1, с. 66]. Конструкции со словами категории состояния входят в семантическую сферу нерезультативного состояния, занимая в ней центральное место.

В выражении семантики состояния и в русском, и в бурятском языках участвуют следующие средства:

а) лексические: глаголы состояния (*болеть/үбдэхэ; тосковать/уйдаха, ханаха, гуниглаха; веселиться/сэнгэхэ, хүхихэ; страдать/ядаха, тулиха, зобохо; светать/үүр сайха; морозить/хүлдөөхэ, хүргэхэ* и др.), имена прилагательные в полной форме (*веселый/хүхюутэй, грустный/уйдхартай, смешной/энеэдэтэй, печальный/гунигтай* и др.), краткие прилагательные в русском языке (*весел, грустен, зол, смешон, печален* и др.), краткие страдательные причастия в русском языке (*накурено, натоплено, взволнован, расстроен* и др.), имена существительные (*горе/гашуудал, радость/баяр, обида/гомдол, позор/нэрэ бузарлалга, отчаяние/сүхэрэл, скука/уйдхар, гуниг, мороз/хүйтэн* и др.). Отметим, что в бурятском языке имена прилагательные и причастия не имеют краткой формы;

б) морфологические (в русском языке: наличие показателя *-о* в именах прилагательных, наречиях, словах категории состояния (*больно, обидно, страшно*), в бурятском языке: основные показатели на *-тай, -той, -тэй* (*Үбиэнтэй, гомдолтой, айдахатай*), непроизводные слова);

в) синтаксические: односоставные (в традиционной грамматике) предложения — *Холод/хүйтэн; Жара/ааяма халуун* (номинативные); *Светаёт/Үүр сайжа байна; Зундаа ехэ бороотой байгаа һэн/Летом было очень дождливо; Мне стыдно/Намда эихэбтэр байна* (так называемые безличные); двусоставные предложения — *Синеют горы/Хада уула хүэржэ харагдана; Дети радуются/үхибүүд баярлажа байна; Он зол/Тэрэ ууртай; Девушка построена/Басаган муудаад байна*.

Основываясь на концептуальных положениях А. В. Бондарко относительно семантической сферы неперфектного состояния, отметим, что центральными компонентами поля состояния являются конструкции со словами категории состояния, с именами прилагательными, с краткими страдательными причастиями. И наиболее высокое положение в этой иерархии занимают конструкции со словами категории состояния, так как семантика состояния является их категориальным значением, т. е. данные слова — «специальные предикаты состояния» [1, с. 68].

Отметим, что форма слова категории состояния в отличие от формы имени прилагательного предназначена для обозначения собственно состояния

(независимо от того, есть ли у него наблюдаемые внешние проявления). У большой группы слов категории состояния обнаруживаются еще более кардинальные семантические различия с именем прилагательным, ср.: *Ему страшно / Тэрээндэ аймшагтай байна* (в значении: *он испытывает страх*) и *Он страшный, страшен / Тэрэ аймшагтай (байна)* (в значении: *кто-то другой испытывает страх*).

В предложениях с глаголами состояния представлена лексическая специализация семантики состояния, но по отношению к центральным компонентам подобные конструкции занимают относительно периферийное положение (зона ближней периферии), так как «значение состояния, выраженное лексически, характеризуется зыбкостью и неопределенностью границ между лексической семантикой состояния и действия» [1, с. 68]. Выражение семантики состояния глагольной формой связано с характерным для глагола как части речи значением процессуального признака, в связи с чем состояние, выраженное глаголом, всегда динамично, в отличие от состояния, имеющего неглагольное выражение. Ср., в русском языке: *Чопа он не боялся, но все же ожидал неприятностей* (Паустовский. Колхида); *Женщина обрадовалась* (Паустовский. Колхида); *То работала и веселилась, а то сидит и плачет* (Зошенко. Богатая жизнь); *Инвалид — брык на пол и лежит. Скучает* (Зошенко. Нервные люди); — *Ты! — удивился он* (Распутин. Рудольфио).

Ср., в бурятском языке: *Һойр гайхашаба* (Балдаев. Борбиллоо ноён) / *Глухарь удивился*; *Шэнэ директор ерэнээр, ништын ажал хэрэгыг тад ондоо болгожо һайжаруулжа эхилһэн байна* (Елаев. Баян дайда — Баяндай) / *Как только пришел новый директор, он начал кардинально менять, улучшать общественную работу*; *Донит, ши Иреные дэмы гомодхоогоош* (Осодоев. Һүүлшын уулзалга) / *Донит, ты напрасно обидел Ирену; Манайда ябажа байгаа хааши би баярлахаб* (Дамбаев. Инаг гансатаяа уулзалга) / *Я буду рад, если ты будешь приходить к нам; Баяр хүбүүн гэртээ орожо ерэнээр, дальбараануудые хаража, юунһээшье үлүүсэ баярлаа, хүхээ һэн* (Балдаев. Борбиллоо ноён) / *Баир вошел в дом и, увидев птенцов, несказанно обрадовался; — Бү шууя, Хэшиэгтэ-а, баабайнгаа бэшиэг шагнааши, — гэжэ байгаад, ашынгаа буржсагархан үһые эльбэн эрхэлүүлнэ* (Ябжанов. Гашуудал зоболонгой шуурган) / — *Не шуми, Хэшиэгто, будешь слушать письмо отца, — говорила она, лаская внука; — Яахадаа гэнтэ Сэсэрэнээр һонирхобош, хүбаа?* (Ябжанов. Хара сагаан хоёрой дүлэн) / *Почему ты вдруг начал интересоваться Сэсэрэном?*

К периферийной зоне поля состояния относятся номинативные предложения (*Жара / Аяма халуун*). Значение состояния в таких конструкциях является производным от лексической семантики именных словоформ и взаимодействующей с ней бытийности. Подобные конструкции относятся к центральным компонентам поля бытийности.

Конструкции с глаголами, семантика которых включает в себе признаки как состояния, так и действия (*возмущаться / хороо бусалха, наслаждаться / бахаа ханаха, радоваться / баярлаха, мучиться / зобохо* и др.), также относятся к периферийной зоне поля состояния.

Состояние в языковой картине мира отличается богатой палитрой разноуровневых средств выражения как в русском, так и в бурятском языках. Важное место в системе средств выражения значения «состояние» занимают слова категории состояния, которые «в наибольшей степени специализированы для выражения семантики состояния» [1, с. 68]. Таким образом, значение состояния является категориальным для указанной группы слов, для всех других частей речи, имеющих значение состояния, это значение не является категориальным (грамматикализованным), а только общим лексическим значением.

В системе русского и бурятского языков наблюдается сходство в выражении значения состояния. В функционально-семантическом поле состояния данных языков наиболее высокое положение занимают конструкции со словами категории состояния, так как семантика состояния является их категориальным значением.

Важно подчеркнуть, что в бурятоведении научная интерпретация слов, подводимых под слова категории состояния, находится на начальном этапе своего становления. В бурятском языке рассматриваемые слова так же, как и в русском, характеризуются определенным оформлением, категориально-семантическим значением, устойчивой синтаксической функцией, являются конструктивно-смысловым компонентом предложения.

Категориальным значением слов категории состояния является семантика состояния как неопределенного по времени и месту признака, существующего вне процессуальности или представляющего собой результат действия в прошлом. Этот признак тесно связан с психофизическими состояниями человека и поэтому обычно сопряжен с эмоциональной окраской. Наиболее явно категориальное значение данных слов выражается словами категории состояния, составляющими лексико-семантическое ядро этой части речи (это слова, обозначающие физическое и эмоциональное состояние человека, состояние природы, окружающей среды, обстановки). Другие слова категории состояния выражают это категориальное значение с теми или иными расхождениями и смысловыми оттенками.

Морфологически данные слова характеризуются неизменяемостью, способностью выражать значение времени и наклонения, передаваемого служебным глаголом — связкой. Слова категории состояния в бурятском языке, как и в русском, имеют формы времени: настоящего (с нулевой связкой или с *байна*), прошедшего (со связкой *байгаа*), будущего (со связкой *байха*): *Досоомни хүлгөөтэй* (Ябжанов. Майсаан таабайн хуур) / *На душе тревожно*; *Газаа бүрхэг байна гү?* (Манзаров. Хоёр нохой) / *На улице пасмурно?*; *Гэр соо дулаан байгаа* / *В доме было тепло*; *Ой соо гоё байгаа* / *В лесу было красиво*; *Түрэ хурим гээшье хүндөөр, ехээр хэхэ болоо наа гайтайхан байх юм* (Намсараев. Үүрэй толон) / *Если делать свадьбу с большим размахом, то будет тяжело*. О том, что глагол *байха* представляет собой полифункциональное слово указывает в своей работе В. В. Егудурова [4, с. 13]. Названный глагол может являться служебным грамматикализованным глаголом [4, с. 42], например, показателем времени и наклонения. Указанные формы времени одновременно являются формами изъявительного наклонения слов категории состояния.

Слова категории состояния с ядерным значением состояния лица, природы, окружающей среды, обстановки актуализируют аспектуальные значения (которые возникают при сочетании с вспомогательными глаголами типа *болон* — *болоо*). Образуются аналитические видовые конструкции: *Шини тиигээжэ хэлэхэдэшни, досоомни һайн болон* / Когда ты так говоришь, на душе становится хорошо; *Сонхоо нээгээ хадашни таһалга соо һэрюун болохо* / Если откроешь окно, то в комнате станет прохладно.

Словообразовательные свойства слов категории состояния связаны с их происхождением от имен прилагательных (путем конверсии). Морфологосинтаксический способ словообразования, когда новые единицы образуются в результате перехода слов одного грамматического класса в другой, — характерное явление как в русском, так и в бурятском языках. Ж. С. Сажинов в свое время отмечал, что в связи с нуждами общения происходит активизация процессов образования новых частей речи и «современный бурятский язык ждет своих исследователей по решению и этого весьма непростого вопроса» [7, с. 117]. Итак, источником пополнения категории состояния являются конкретные словоформы других частей речи. Характерно, что в бурятском языке так же, как и в русском, есть общая особенность словообразования слов категории состояния с прилагательными и качественными наречиями: от них так же, как и от последних, образуются слова с суффиксами оценки (*хүйтэшиэг* / *холодновато*).

Наиболее ярким признаком слов категории состояния является их синтаксическая функция — главный предикативный член предложения. Выражая особое категориальное значение недействительного состояния, рассматриваемые слова другие синтаксические функции не выполняют. Этим они существенно отличаются от имен прилагательных, способных в той или иной степени брать на себя разные синтаксические роли. Ср.: а) *Машенькын эжы Варвара Семеновнатай урдаһаа харалсан, багахан аад, яһала һаруул* (имя прилагательное в функции определения) *таһалга соо һуунабди* (Вампилов. Амжалта, пер. В. Намсараева) / Мы с матерью Машеньки Варварой Семеновной сидим друг против друга в маленькой, но очень светлой комнате; *Энэ таһалга һаруул* (имя прилагательное в функции сказуемого) / Эта комната светлая; б) *Эндэ сэбэр, һаруул* (слово категории состояния в единственной возможной функции сказуемого) *гээшиэнь* (Галанов. Түрүүшын саһан) / Как здесь чисто, светло.

Выступая в роли главного члена предложения, слово категории состояния способно синтаксически подчинять второстепенные члены предложения: *Жаргалмаада* (дополнение) *ехэ аягуй байба* (Цыдендамбаев. Буряад басаган) / Жаргалме было очень неудобно; *Хабартаа тэрэнгийн һалбархада, ой соо* (обстоятельство)... *айхабтар гоё болошодог* (Мунгонов. Харьлан урдаа Хёлгомнай) / Весной, когда расцветает багульник, в лесу становится очень красиво.

Слова категории состояния могут распространяться формами имен существительных и местоимений в дательном падеже, т. е. способны управлять данными формами. Дативные конструкции, как часто отмечается в лингвистической литературе, всегда антропоцентричны.

Выделение слов категории состояния в бурятоведении в самостоятельную часть речи не является бесспорным фактом. Подчеркнем, что школьная и академическая грамматика рассматривает слова категории состояния в рамках имен прилагательных и наречий, попутно отмечая их семантические особенности. По данному вопросу разделяем точку зрения Г. А. Золотовой: «Оправданная, может быть, методическими выводами упрощенность изложения оборачивается потерями в осмыслении, теоретическом и практическом, определенного массива синтаксических конструкций, активно используемых в разных сферах современной речи» [5, с. 151].

Формирование слов категории состояния как части речи происходит в условиях их употребления в монологических, диалогических, ситуативно-речевых высказываниях. Несмотря на тот факт, что в бурятском языке численность слов категории состояния меньше, чем в русском языке, данная группа слов обладает заметным лексико-семантическим потенциалом, что служит свидетельством продуктивности этой части речи. Ж. С. Сажинов в свое время отмечал, что «слов, которые следует относить к категории состояния, предостаточно» [7, с. 117].

Категориальную принадлежность слов категории состояния как самостоятельной части речи можно определить по совокупности грамматических и семантических признаков, учитывая коммуникативный статус данных слов.

Итак, круг языковых средств, предназначенных для выражения семантики состояния во всех ее разновидностях и вариантах, делает целесообразным представление данного значения и средств его выражения как функционально-семантического поля. ФСП состояния относится к полицентрическим (слабо центрированным) полям, которые базируются «на некоторой совокупности различных языковых средств» [1, с. 62].

Наблюдения показывают, что содержательная сторона ФСП разных языков имеет общие черты, которые задаются изначально как тот семантический инвариант, вокруг которого группируются разноуровневые средства языковой системы. Именно общность понятийной основы является базой для сопоставления, на фоне которой определяются черты членения семантического пространства в языках разного типа, что, в свою очередь, определяется составом ФСП данного языка, т. е. грамматическим статусом и семантикой составляющих его компонентов.

Литература

1. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — Л.: Наука, 1984. — 136 с.
2. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. — 260 с.
3. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 502 с.
4. Егодурова В. М. Бурятский глагол. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. — 140 с.
5. Золотова Г. А. Онипенко Н. К. Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Наука, 1998. — 528 с.
6. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтеза. — 2-е изд., стер. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 368 с.
7. Сажинов Ж. С. Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков (Морфология). — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1984. — 144 с.

The functioning of state category words in languages of different structures

Galina V. Ulazaeva

PhD, A/Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article deals with the problems of functioning state category words in languages of different structures. This category of words is considered from the standpoint of functional-semantic fields. Functional-semantic fields are the national realization of conceptual categories, that's why it is possible to speak about functional-semantic fields of the Russian, the Buryat and other languages. Constructions forming functional-semantic field of state in Russian and Buryat, the centre and peripheral zones of state category are described in the article. We have summarized the issues of status and scientific interpretation of the words related to the category of state in Buryat Studies and studied lexical, morphological, syntactical characteristics of state category words in the Buryat language. It is proved that the ways of expressing the category of state in Russian and Buryat have both differences and similarities.

Keywords: state category words, functional-semantic field, languages of different structures, parts of speech, national specificity.

References

1. Bondarko A. V. *Funktsional'naya grammatika* [Functional Grammar]. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 136 p.
2. Bondarko A. V. *Osnovy funktsional'noi grammatiki* [Fundamentals of Functional Grammar]. St Petersburg: St Petersburg State University Publ., 2001. 260 p.
3. Vsevolodova M. V. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka* [Theory of Functional and Communicative Syntax: Fragment of an Applied (Pedagogic) Language Model]. Moscow: Moscow State University Publ., 2000. 502 p.
4. Egodurova V. M. *Buryatskii glagol* [Buryat Verb]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2003. 140 p.
5. Zolotova G. A. Onipenko N. K. Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: Nauka Publ., 1998. 528 p.
6. Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sinteza* [Communicative Aspects of Russian Synthesis]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001. 368 p.
7. Sazhinov Zh. S. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i buryatskogo yazykov (Morfologiya)* [Comparative Grammar of the Russian and Buryat Languages (Morphology)]. Ulan-Ude: Buryat book Publ., 1984. 144 p.